

УДК 316. 405

СТИВЕН УАЙТ,

профессор университета Глазго, Велико-
британия

ЙЕН МАКАЛИСТЕР,

профессор Австралийского национального
университета, Канберра

Переосмысление “оранжевой революции”

Аннотация

Согласно данным национального репрезентативного опроса, проводившегося в ноябре–декабре 2007 года, единого мнения о характере “оранжевой революции” практически нет: ее восприятие существенно варьирует в зависимости от региона и возрастной группы. Главным мотивом участия в ней стал “протест против властей”, однако и здесь заметны значительные региональные различия. Восемь фокус-групп в разных районах страны дали возможность их участникам отчетливо сформулировать свою интерпретацию событий: в “оранжевом” видении событий конца 2004 года как аутентичного народного восстания и в “голубом” — как финансируемого Западом путча. После произошедших событий все большее число людей стало ощущать, что они в результате скорее проиграли, чем выиграли; приобретения связаны со свободой слова, а потери — в основном с отношениями с Россией. В свою очередь, различные взгляды на революционные события оказались четко связаны с электоральными предпочтениями, проявившимися в сентябре 2007 года во время парламентских выборов.

Ключевые слова: “оранжевая революция”, восстание, путч, свободы, электоральные предпочтения, региональные различия

“Оранжевая революция” стала не только неординарной переменной в рамках исполнительной власти, произошедшей в бывшем коммунистическом мире в начале нового тысячелетия, но и, пожалуй, наиболее важной. Это было радикальным изменением курса в европейской стране, по территории

равной Франции, с населением, в пять раз превышающим Сербию и в десять раз — Грузию и Киргизию. Это была перемена геополитического значения, случившаяся в бывшей советской республике, члене СНГ, в стране, которая, похоже, стремится к тому, чтобы войти в ЕС и, возможно, даже в НАТО. Не удивительно, что политические лидеры в России и Западных странах следили за развитием событий в Украине с большим вниманием и время от времени в них непосредственно вмешивались.

“Оранжевая революция” явилась также одной из наиболее сложных политических трансформаций, произошедших после краха коммунистического правления. Речь идет, в частности, о стране, глубоко разделенной по языку и национальной принадлежности, с политическими настроениями, четко отражающими этот водораздел, и с регионами, практически единогласно голосующими либо так, либо иначе. Революционные события оказались самыми длительными из осуществленных неординарных преобразований, вошедших в лексикон под названием “цветные” революции: с конца октября 2004 года, когда прошел первый тур президентских выборов, и до 21 ноября, когда в результате второго тура победил дружественный Кремлю кандидат Виктор Янукович, что вскоре после этого привело к широкомасштабным и продолжительным демонстрациям против очевидной фальсификации результатов выборов, а далее к решению повторить второй тур 26 декабря и объявлению в начале января победителем прозападно ориентированного Виктора Ющенко с его 52% голосов, инаугурация которого как нового Президента Украины прошла 23 января 2005 года.

Это был не только наиболее значительный и сложный результат “цветных” революций, но и наиболее спорный¹. Не успели закончиться перемещения в правительстве, как посыпались обвинения и контробвинения по поводу внешнего вмешательства и явно нестихийного характера массовых демонстраций, в основном что касается поддержки Ющенко. Был ли это протест против попытки обмануть их и проигнорировать выбор, сделанный ими на избирательных участках, или же это была наемная толпа, финансируемая Западом, отработанная и принесшая высокие дивиденды в Сербии и Грузии тактика? Какова природа перемен, происходивших в 2004–2005 годах? Была ли это революция — то есть глубокие перемены, затронувшие все общество, или же просто очередной эпизод в длительной борьбе за власть политической элиты, сложившейся после провозглашения независимости в конце 1991 года? Насколько значимым было внешнее вмешательство? И каковы итоги: верят ли простые украинцы в то, что в результате их общество изменилось, повлияло ли все это на их последующее политическое поведение?

Мы пытаемся в этой статье ответить на поставленные вопросы, основываясь на данных, полученных благодаря количественным и качественным исследованиям. Прежде всего мы основываемся на национальном исследовании, репрезентативном для населения страны электорального возраста и проведенном в ноябре–начале декабря 2007 года, вскоре после парламент-

¹ Для более широкого ознакомления с украинскими событиями конца 2004 года см., например: [Wilson, 2005; Aslund, McFaul, 2006; Kuzio, 2008].

ских выборов¹. Кроме вопросов, касающихся “оранжевых” событий, мы повторили вопросы, используемые в более ранних исследованиях 2000–2006 годов, и таким образом расширили временные рамки. А еще на протяжении 2006 года для нас проводилась серия фокус-групп, позволяющих обычным гражданам из разных областей страны рассказать своими словами о тех изменениях, которые произошли с ними. Работали с этими группами местные модераторы².

Сначала мы рассматриваем, каким образом люди были вовлечены в драматические события конца 2004 года, а затем принимаем во внимание оценки, сделанные в фокус-группах, включающих участников с обеих сторон, по большей части тех, кто был больше, чем просто зрителем. И наконец, изучаем влияние “оранжевых” событий во временной перспективе, то есть как их расценивают с высоты прошедшего времени и что они значили для поддержки партий на последовавших выборах.

1. Быть “оранжевым”

“Оранжевая революция” произошла в стране, где политическая элита имела очень глубокие различия. Экономика в первые годы нового тысячелетия росла относительно быстро. Рост реального ВВП с 2000 по 2004 год в среднем был выше 8%; в 2004-м он достиг даже 12%. Соответственно росли и реальные доходы, в среднем более чем на 15% за те же пять лет и более чем на

¹ Наши фокус-группы проходили с августа по октябрь 2006 года под наблюдением Владимира Коробова из Херсонского национального технического университета; он же был модератором. Базисом работы послужил набор открытых вопросов, предложенный авторами. Фокус-группы обычно состояли из восьми, иногда девяти или десяти участников, сбалансированных по полу, работоспособного возраста (самому младшему было 18 лет, самому старшему — 63 года, но большинство было от тридцати до шестидесяти и работающие). В дополнение к полному тексту мы получили видеозапись всего происходившего и комментарий модератора. В целом проведено 8 фокус-групп: одна — в Киеве; две — на Юге (Херсон и Николаев), две — на Западе (Львов и Ривне); в обеих группах разговор проходил по-украински; и три на Востоке (Донецк, Харьков и Полтава). Исследование 2004 года проходило в рамках российского исследования с 23 марта по 2 апреля ($N = 2000$); было отработано 259 пунктов и задействовано 187 интервьюеров. С оригинальными данными можно ознакомиться через: UK Data Archive, study no. SN 5671. В 2006 году наше исследование проходило под тем же контролем с 24 апреля по 12 мая ($n = 1600$); 131 изначальный пункт выборки и 55 интервьюеров. Исследование 2007 года проводилось под контролем киевского отделения SOCIS с 17 ноября по 3 декабря ($n = 1200$); 86 изначальных пунктов выборки и 102 интервьюера.

² До последнего времени фокус-группы мало использовались для изучения посткоммунистической политики, хотя в них есть ряд очевидных преимуществ, что касается обществ, где все еще сильно культурное предубеждение о высказывании мнений, люди думают, что ответ должен удовлетворить спрашивающего или государственные органы власти в целом. Как заметил Р.Крюгер, фокус-группы “позволяют исследователю войти в контакт с участниками, восприятиями, отношениями и мнениями так хорошо, насколько другие процедуры не позволяют” [Focus Groups, 1994]. Есть обширная методическая литература: см., например: [Barbour, 2007], где особое внимание уделяется дополнительным вопросам, возникающим в кросс-национальном контексте. В дополнение к упомянутому в этой статье источникам состояние общественного мнения в Украине сразу же после “оранжевых” событий описано в работе: [Rose, 2005].

23% в 2004 году. Тех, кто получал меньше прожиточного минимума, стало меньше (хотя эта часть все равно составляла около двух третей населения). В то же время нет явных доказательств увеличения неравенства в распределении выросших доходов, если верить цифрам. Безработица сократилась с 11,6% в 2000 году до 8,6% в 2004-м, а розничная торговля за этот же период почти удвоилась¹.

Население в целом продолжало сокращаться примерно на полмиллиона в год. При всем при этом, не так уж много факторов указывали на экономический спад, как на то время, так и в обозримой перспективе, — факторов, позволяющих прогнозировать продолжительные массовые уличные протесты, перечеркнувшие второй тур президентских выборов в ноябре 2004 года и приведшие к власти Виктора Ющенко и его “оранжевую” коалицию.

На самом деле администрация Кучмы совсем по другим причинам вошла в столь глубокий кризис легитимности, что это и привело к драматическим событиям на Майдане (площадь Независимости в центре Киева), к решению признать результаты второго тура президентских выборов недействительными и в декабре провести его вторично. Вероятно, наиболее важным элементом здесь явилось дело Гонгадзе — весь ход невероятных событий, произошедших после исчезновения независимого журналиста Георгия Гонгадзе в сентябре 2000 года, обнаружение его тела два месяца спустя, без головы, облитого кислотой, что явно должно было помешать его идентификации. Вскоре после этого оппозиционный политик опубликовал аудиоматериалы, записанные в офисе президента в период между 1998 и 2000 годами, на которых президент и группа высокопоставленных чиновников обсуждали меры, которые следовало бы применить к Гонгадзе, хотя речь не обязательно шла об убийстве. Итак, состоялись опубликование этих пленок и ряд незаконных действий, включая продажу оружия за рубеж, сомнительную организацию президентских выборов, приведших до этого Кучму к власти, и высокий уровень коррупции. Обнародование пленок и их вызывающий характер привели к серии общественных демонстраций и “заложили основу глубокого политического кризиса, который четыре года спустя привел к Оранжевой революции” [Kuzio, 2007].

Режим Кучмы действительно столкнулся с проблемами в начале 2004 года, если верить данным нашего исследования. Весной того года мы провели национальный опрос, и оказалось, что всего 4% опрошенных считают состояние национальной экономики “хорошим” или “очень хорошим”; 64% оценили его как “плохое” или “очень плохое”; с точки зрения большинства, оно ухудшалось, а не улучшалось. В частности, высказывались резкие суждения о качестве управления как такового. Лишь 11% оценили соблюдение прав человека как “хорошее” или, по крайней мере, “существующее”; 32% посчитали его “недостаточным”, а 54% вообще отметили его “отсутствие”. Подавляющее большинство отмечали, что обычному человеку “трудно” (23%) или “очень трудно” (64%) реализовать свои права; всего 11% выразили более позитивное мнение по этому вопросу. Очень резкие оценки были получены в отношении коррумпированности чиновничества. Большинство, 54%, считали, что “почти все” чиновники коррумпированы, еще 30% —

¹ См.: www.ukrstat.gov.ua, последние данные 15 февраля 2009 года.

что “большинство из них”. Кроме того, большинство опрошенных, 55%, отметили “значительный рост” коррупции по сравнению с советскими временами; 20% считали это “небольшим” увеличением, и только 3% заметили, что коррупции стало меньше.

Согласно другим данным в отношении суждений такого рода, на протяжении всех десяти лет президентства Кучмы складывалась все более мрачная картина, особенно в течение его второго срока, начиная с 1999 года (см.: [Українське суспільство, 2006]). Более половины опрошенных в последующие годы считало, что они могут свободно высказывать свое мнение, но доля тех, кто считал иначе, выросла (13% — в 2000-м, 23% — в 2003-м). Небольшая доля тех, кто думал, что в парламенте найдется депутат, представляющий его интересы (24% — в 1998 году, хотя в 2004 году — 40%); возросла часть тех, кто оценивал политическую ситуацию как “тяжелую” (46% в 2000-м, 55% в 2004-м), и, по крайней мере, две трети считали, что у них нет способов повлиять на решения властей, если они с ними не согласны (66% в 2000-м, 69% в 2004-м). Суждения по поводу экономики отличались возросшим позитивом, но доверие к президенту по мере пребывания Кучмы у власти резко упало к концу второго президентского срока: всего 2% отмечали свое “полное доверие” к президенту в 2004 году (падение по сравнению с 7% в 2000 году), тогда как 30% выразили ему “полное недоверие”.

Мы пригласили респондентов через три года после тех драматических событий, которые заставили сменить национальное руководство в конце 2004 года, чтобы прежде всего узнать их мнение о самой “Оранжевой революции”. Насколько, по их мнению, это был спонтанный феномен и в какой мере он был инспирирован либо даже финансируван извне? Для тех, кто придерживался первой точки зрения, это было ощущение украденной победы: экзит-полы утверждали, что настоящим победителем ноябрьских выборов был Виктор Ющенко, несмотря на дезавуировавшую волю электората массированную кампанию в виде колонн автобусов, возивших сторонников Януковича от одного избирательного участка к другому, и различного рода инсинуаций. Для тех, кто придерживается другой точки зрения, речь идет о противоположном процессе с использованием молодежных движений, обученных активистами, проложившими дорогу событиям в Сербии и Грузии и выполняющими заказ, оплаченный американцами; с этой позиции, события конца 2004 года представляются как западный путч, настоящая цель которого — использовать выборы с тем, чтобы привести к власти нужное правительство в зоне бывшего советского влияния.

Мы привели данные в таблице 1, содержащей наиболее частые ответы, полученные сразу после “Оранжевой революции” и три года спустя (формулировки по сути были очень похожи). Пожалуй, наиболее четко фиксируется тот факт, что в отношении изменений конца 2004 — начала 2005 годов постоянно отсутствует консенсус. Чуть более четверти респондентов видят в этих событиях прозападный заговор, причем эта часть немного выросла; в то же время практически неизменной оставалась доля тех, кто считает революцию аутентичным выражением народного недовольства. Несколько меньше людей рассматривают это как путч проющенковских оппозиционеров либо вообще как совершенно спонтанное движение обычных граждан. Существенная, хотя и все меньшая доля приходится на тех, кому трудно определиться. Больше согласия, независимо от занимаемой позиции, фиксиру-

ется в оценке событий конца 2004 года что касается их организованности или спонтанности: всего 15% считают, что все было по большей части или даже полностью спонтанным, 20% — что отчасти спонтанным, отчасти организованным, и намного большая часть опрошенных, а именно 57%, считают, что все было в основном или даже полностью организовано.

Ответы такого рода значимо соотносятся с “национальными” признаками, поскольку общество глубоко расколото в политическом пространстве современной Украины, прежде всего между националистическим прощепенковским Западом и русскоязычным Востоком, который в подавляющем большинстве голосовал за Виктора Януковича и его Партию регионов. Их значимость относительна и в плане оценки движения, существовавшего или, по крайней мере, возникшего как преимущественно молодежное: те, кто приветствовал рок-группы, каждый вечер выступавшие на Майдане, использовал Интернет и мобильные телефоны в противовес официальным средствам массовой информации, формировал “Пору” — сеть активистов, подобно тому как объединялись молодые активисты “Отпора” в Сербии и “Кмары” в Грузии¹. Каждый из этих факторов, в свою очередь, должен быть соотнесен с остальными и с более полным перечнем параметров. Например, что очень важно, регион или поколение? Были ли студенты прежде всего студентами, независимо от места проживания, или они по своим характеристикам больше похожи на представителей своего региона? И обуславливают ли регион или поколение статистически значимые различия, если принимать во внимание доход, образование и другие факторы?

Таблица 1

Что представляла собой “оранжевая революция”?, %

Варианты ответов	2005	2007
Государственный переворот при поддержке со стороны Запада	24	29
Государственный переворот, подготовленный политической оппозицией	12	15
Спонтанный народный протест	12	18
Осознанная борьба граждан, объединенных для защиты своих прав	33	27
Не знаю/Нет ответа	19	11

Источник: исследование авторов, ноябрь–декабрь 2007 года, $N = 1200$, в округленных процентах. Данные 2005 года адаптированы на основании работы Виктора Степаненко “Как украинцы видят свою оранжевую революцию: общественное мнение и национальные особенности гражданской политической активности” (Демократизация, т. 13, № 4 (осень 2006), с. 597), где речь идет о полевых исследованиях (март–апрель 2005, $N = 1800$).

Мы сопоставили некоторые из этих срезов в таблице 2. Как и ожидалось, проявились существенные расхождения по всем атрибутам субкультурной идентичности. По всей выборке 83% назвали себя украинцами, 14% — русскими. “Украинцы” примерно в два раза чаще, чем “русские”, рассматривали политические изменения конца 2004 года как “осознанную борьбу граждан, объединенных для защиты своих прав” (34% против 15% среди русских); “русские” же, наоборот, чаще расценивали их как государственный переворот, произошедший при поддержке Запада (53% против 28% среди украин-

¹ О музыке, в частности, см.: [Rock, 2007].

цев”). Похожие и коррелирующие с этими различия фиксируются в отношении языка (37% сказали, что пользуются дома русским, 62% — что украинским). Так, 48% украиноязычных и 18% (то есть более чем вдвое меньше) русскоязычных считают политические перемены конца 2004 года борьбой граждан за свои права, тогда как 46% русскоязычных и 19% (более чем вдвое меньше) украиноязычных видят в них государственный переворот при поддержке со стороны Запада.

Таблица 2

Взгляды на “оранжевую революцию” и идентичность, язык и религия, %

Параметры	Западный путч	Оппозици- онный путч	Спонтанная борьба	Осознанная борьба	В целом	(n)
<i>Национальная идентичность:</i>						
украинцы	28	17	21	24	100	(891)
русские	53	16	16	15	100	(147)
<i>Язык:</i>						
украинский	19	12	26	43	100	(544)
русский	45	22	15	18	100	(494)
<i>Регион:</i>						
Киев	13	2	19	66	100	(62)
Север	14	22	27	37	100	(115)
Центр	21	14	32	33	100	(130)
Восток	47	22	14	17	100	(361)
Запад	14	9	24	53	100	(235)
Юг	57	18	15	10	100	(162)

Источник: см. табл. 1. Формулировка вопроса: “Ваша национальность?”; “На каком языке Вы обычно общаетесь дома?” Макрорегионы: г. Киев; Север: Киевская, Черниговская, Житомирская и Сумская области; Центр: Черкасская, Полтавская, Винницкая и Кировоградская области; Восток: Запорожская, Харьковская, Днепропетровская, Донецкая и Луганская области; Запад: Волынская, Закарпатская, Львовская, Ивано-Франковская, Ривненская, Тернопольская, Хмельницкая и Черновицкая области; Юг: Автономная Республика Крым, включая Севастополь, Одесская, Николаевская и Херсонская области.

Национальная и языковая идентификация, в свою очередь, связана с местом проживания. В нашей выборке 91% проживающих на Западе идентифицировали себя как “украинцы”; та же пропорция касается “украиноязычных”; среди живущих на Востоке 73% и 23% назвали себя таковыми (соответственно), а среди живущих на Юге (включая Крым, бывший до 1954 года частью Российской Федерации) — 74% и 27%. И снова живущие на Западе чаще живущих на Востоке или Юге видят в событиях последних месяцев 2004 года осознанную борьбу граждан за свои права; тогда как на Востоке, а еще больше на Юге видят в них переворот, поддерживаемый Западом. Тем не менее эти модели не вполне консистентны. В частности, самую большую поддержку мнению о том, что “оранжевая революция” — это сознательная борьба граждан за свои права, получило в столице, где его поддержали 66% по сравнению с 31% в целом по стране. Очевидно, что макрорегионы этнично и лингвистически разнородны, а ответы детерминируются и другими факторами, в том числе связанными с идентичностью и местом проживания.

Место жительства, безусловно, решающим образом определяло способность наших респондентов принимать участие в событиях, которые в основном происходили в столице. В целом по выборке люди, принимавшие участие в революции в Киеве или других городах и селах либо материально поддерживавшие протесты, составили существенно меньшинство (табл. 3), и здесь практически нет расхождений между нашим исследованием и работами более раннего времени. Но снова подчеркнем, что национальность, язык и место жительства являются ключевыми. Например, в целом по выборке 12% опрошенных непосредственно принимали участие в событиях; среди “украинцев” эта доля составила 13%, а среди “украиноязычных” — 15%. Что касается “русских” и “русскоязычных”, то среди них эта доля значительно меньше — 3% и 8% соответственно. Не удивительно, что доля принимавших участие в революции выше всего в столице (36%) по сравнению с регионами; то же самое можно сказать и о тех, кто поддержал протесты материально — 11%. Это значит, что почти половина (47%) населения города, насчитывающего два с половиной миллиона, была так или иначе вовлечена в революционные события, развернувшиеся на Майдане.

Таблица 3

Кто участвовал в протестах во время “оранжевой революции”?, %

Варианты	2005*	2007
Принимал участие в протестных акциях в Киеве	5	4
Принимал участие в другом городе или селе	13	8
Непосредственно не участвовал, но помогал протестующим едой, деньгами и тому подобным	5	3
Не участвовал в протестных акциях	79	82
Трудно сказать/Нет ответа	0	4

* В 2005 году респондентам разрешалось выбирать более одного варианта.

Источник: см. табл. 1.

Какие из этих факторов обусловили наибольшие расхождения? Мы провели мультивариантный анализ (см. табл. 4) таких предикторов: участие или другой вариант поведения, возраст, пол, образование, национальность, язык, самооценка дохода и регион. Поскольку наша зависимая переменная дихотомичная (участие или другой вариант), мы используем метод логистической регрессии. В целом можно сказать, что региональный эффект оказался самым важным фактором при условии, что остальные факторы мы берем как константы, даже если принимать во внимание культурную идентичность и другие предикторы. Как мы и ожидали, вероятность того, что живущие на Юге, Востоке и в Центре примут участие в событиях конца 2004 года, меньше, чем для живущих в других регионах; другой крайний случай — Север, для жителей которого такая вероятность минимальна (при том, что город Киев был исключен из этой категории). Отсюда следует, что место проживания людей было непосредственно активным фактором, а не просто признаком культурной идентичности или социального положения живущих там людей.

Если говорить о других факторах, то самым важным оказался возраст: когда все остальное совпадало, то молодой респондент с наибольшей вероятностью должен был принимать участие в революционных событиях кон-

ца 2004 года. Образование тоже имело значение (при прочих равных условиях высшее образование ассоциировалось с участием в революции), хотя значимость этого фактора составляла лишь четверть значимости возраста. Следующий по значимости фактор — “русская” национальная идентичность, существенно уменьшавшая вероятность участия в тех событиях при прочих равных условиях. Языковой же фактор на удивление мало сказывался, если принимать во внимание регион и национальную идентичность; это же касается семейного дохода по самооценкам опрошенных — если исходить из предположения, что революция конца 2004 года была спровоцирована существующей разницей в уровнях материального благосостояния. Короче говоря, участие в “оранжевой революции” главным образом связано с местом проживания человека и с его возрастом, остальное — относительно малозначимо; в этом смысле рассматриваемые события ближе к протестным движениям в Западных странах последних лет, связанным с вопросами защиты экологии и прав человека, чем к протестным движениям более раннего времени, базирующимся на четко очерченных социальных группах, например студенческих или фермерских (см., напр.: [Dalton, 2008]).

Таблица 4

Социоэкономический статус, регион и участие в “оранжевой революции”, логистическая регрессия

Параметры	Est	Стандартная ошибка
<i>Возраст (лет)</i>	-0,028**	0,006
Пол (мужской)	0,258	0,187
Образование	0,502*	0,207
<i>Культурная идентичность:</i>		
Русскоязычный	-0,158	0,272
Русская национальная идентичность	-0,918*	0,454
<i>Семейный доход:</i>		
Высокий семейный доход	0,203	0,255
Низкий семейный доход	-0,345	0,318
<i>Регион (Киев):</i>		
Север	-0,701	0,373
Центр	-1,980**	0,418
Восток	-2,844**	0,385
Запад	-0,756*	0,351
Юг	-3,242**	0,549
Константа		0,888
R ² Нагелькерке		0,292
(N)		(1157)

** — значимо при $p = 0,01$; * — значимо при $p < 0,05$.

Примечание. Оценки параметра, показывающего результаты логистической регрессии, и стандартные ошибки вероятности участия в “оранжевой революции” (код 1 = участвовал или помогал, 0 = не участвовал и не помогал). Независимые переменные кодировались нулем или единицей, кроме возраста, указанного в годах. Высокий семейный доход — в верхней части, низкий — в самом низу. Для региона исключенной категории является Киев. *Источник:* см. в табл. 1.

Что же наши респонденты, участвовавшие или нет в тех событиях, сами думают о том, что инициировало такую беспрецедентную волну активности? Прежде всего стабильно по годам прослеживается идея о форме “протеста против властей” наряду с движением, вдохновленным надеждой на то, что это приведет к улучшению жизненного уровня (табл. 5). Но, как мы и предполагали, существуют значительные вариации по возрасту и региону проживания. Например, “протест против властей” как причина вовлечения в уличную активность, имевшую место в конце года, чаще всего упоминалась живущими в Центре (59%) и меньше — на Юге (28%). То же самое касается “возросшего украинского национального самосознания” — его чаще упоминали респонденты, живущие на Западе (31%), чем на Востоке (12%). Возраст тоже играл свою роль. В частности, молодые респонденты скорее объясняли революционные события в терминах украинского национального самосознания; респонденты более старшего возраста чаще упоминали практические аспекты, такие как “улучшение жизненных условий”.

Таблица 5

Причины “оранжевой революции”, %

Варианты	2005	2007
Протест против властей	42	36
Надежда на улучшение материальных условий	30	31
Неприятие одного из кандидатов в президенты	25	24
Эмоциональный протест против несправедливости	20	24
Возможность заработать деньги	–	24
Рост украинского национального самосознания	19	20
Беспокойство о будущем детей	22	15
Желание участвовать в цветном шоу	10	12
Выбор между “добром” и “злом”	13	7
Выбор геополитической ориентации между Россией и Западом	5	5
Другое	2	–
Трудно сказать/ Нет ответа	16	9

Примечание. Вопрос был сформулирован так: “Что, по Вашему мнению, было основной причиной политической активности граждан во время “оранжевой революции”?” (разрешалось выбрать до трех вариантов ответа). *Источник:* см. табл. 1.

II. “Оранжевые” впечатления

Те же различия просматриваются в наших фокус-группах, восемь из которых проводились в разных частях страны в августе–октябре 2006 года, хотя мы заметили и нечто общее. Безусловно, такие элементы встречались в ответах наших респондентов во Львове, на украиноязычном Западе, где Оранжевую революцию поддерживали очень сильно, испытывая, однако, существенное разочарование по поводу того, как это было использовано амбициозными политиками. Шестидесятилетний фабричный рабочий Богдан считает, что произошедшие изменения ничем не меньше Французской революции 1789 года, которая точно так же долго назревала, пока люди, вы-

нужденные терпеть “коррупцию и унижения”, наконец дошли до предела, и точно так же поначалу все происходило спонтанно, хотя, безусловно, существовала определенная “помощь” из-за границы. Тридцатилетняя сотрудница районной администрации Ольга объяснила, что многие ее друзья принимали участие в тех событиях: никто их не принуждал и никто не платил им за это деньги. Скорее это было похоже на Бразилию, где все участвуют в карнавале; людям просто нужна “эйфория дружбы и революции”. Но потом к этому подключились остальные, поскольку это “дало кланам шанс свести старые счета, урвать свою долю от выигрыша и устроить все по-своему”.

Менее чем за два года после событий на Майдане иллюзии развеялись. Люди утратили свою энергию и амбиции, продолжает Ольга, к людям снова вернулась “ментальность славян”. Они просто “сидели и ждали” дальнейших событий. Кое-кто изначально был скептиком. Например, Екатерина, оператор-телефонист лет тридцати с небольшим. Она “изначально не поддерживала революцию”; все это было “пустой тратой времени и денег”. Юрист двадцати с небольшим лет Александра придерживается такой же точки зрения: им просто “предложили большие деньги”, а потом выиграл “инстинкт толпы” — “все принимали участие”. Три дня спустя стало очевидно, что все это бессмысленно. И что изменилось? Студент двадцати с небольшим лет Алексей был уверен, что грядут перемены, в частности в том, что повысят его стипендию; но стипендию не повысили, как неизменным осталось и все остальное.

Для некоторых обнаружилось, по крайней мере, “небольшое улучшение” (Орыся, менеджер 25 лет); например, транспортная милиция меньше стала брать взятки. Что касается остальных, то появился “элемент свободы” в личных отношениях (Олег, преподаватель университета, 25 лет). Но работник сферы обслуживания Екатерина, постоянно общающаяся с простыми людьми, не усматривала никаких изменений: люди только “разозлились”, поскольку надеялись на “положительные перемены”, а ничего так и не произошло.

В г. Ривне, промышленном центре сильно националистического Северо-Запада, были более позитивные высказывания. Медработник сорока с небольшим Александра объяснила, что украинцы очень терпимы; но “оранжевая революция” показала, что “люди все равно могут восстать” и что их терпение “небеспретельно”; они хотят перемен к лучшему и, возможно, в конце концов они смогут этого достичь. Бухгалтер Елена (25 лет) столь же оптимистична: в конце концов, провели новые выборы под давлением людей. Игорь Владимирович, инженер под пятьдесят, вспомнил, что итальянская и польская киногруппы, снимавшие те события, были “в шоке”: они не ожидали ничего подобного в Украине, где простые люди считались пассивным “стадом скота”. Сознание молодых людей полностью перевернулось, даже невзирая на развенчание некоторых иллюзий; сейчас они знают, что действовали все вместе и смогли достичь, чего хотели. На самом деле, все стало более политически сознательными, добавляет Елена; “не только люди старшего возраста, но и молодые — все увидели результат”. Все стали более сознательными гражданами, проявляя интерес к политике правительства, какого никогда раньше не было.

Другие участники придерживаются того же мнения. Игорь Иосифович (45 лет), подрабатывающий водителем, считает, что самым главным резуль-

татом “Оранжевой революции” стало то, что “люди начали уважать самих себя”, в частности в общественной жизни. Еще один бухгалтер Ольга, 45 лет, смотрит на все с еще большим энтузиазмом: “Оранжевая революция, наша революция много дала нашим людям. Прежде всего, мы смогли почувствовать себя украинцами”.

Уже в одном этом состояла существенная разница — например, люди смогли увидеть телевизионную программу “Свобода слова”, появившуюся в эфире после того, как ее ведущий Савик Шустер был вынужден покинуть Москву (комментарий, прозвучавший у всех участников). В личном плане “Оранжевая революция” была “счастливейшими днями [ее] жизни”. Нина, пенсионерка под шестьдесят, назвала ее “событием столетия”. Достигла ли она каких-то результатов? “Конечно. Право говорить, думать, чувствовать”. Да, соглашается Ольга, были организаторы; так и должно быть, чтобы держать толпу под контролем. Но “без сомнения, люди принимали участие потому, что хотели, даже вопросов не может быть”. Было это революцией или нет? Для Игоря Иосифовича фундаментального перелома на подобие Французской революции не произошло; правительство по форме то же. Но для Ольги цель и не была столь далеко идущей, как, например, свержение монархии; просто надо было провести честные выборы.

Совершенно по-другому оценивают ситуацию в русскоязычных и голо-совавших за Януковича регионах Востока и Юга. В шахтерском Донецке, где памятник Ленину и поныне висится на центральной площади, весь феномен “Оранжевой революции” видится просто как “хорошо отрепетированный спектакль”, поставленный “умелыми технологами”, сыгравшими на уже существовавшем недовольстве в связи с множеством разных причин (Николай, старший рабочий, лет сорока). Обычные украинцы — “люди, не народ” — были “абсолютно не готовы к такой революции”; людей “удалось завести”, благодаря различным денежным и другим соблазнам. Для Сергея, продавца, тоже лет сорока, все было “устроено американскими деньгами”, сначала в Сербии, потом в Грузии, а теперь в Украине. Константин, студент двадцати с небольшим, поставил более прицельный диагноз: “Фонд Сороса”, потому что “всюду, где он появляется, проходят так называемые демократические революции; это был очередной пример такой “хорошо отрепетированной политической технологии”. Что касается тех, кто поддерживал “Оранжевую революцию”, то в лучшем случае это звучало, как “все было спланировано, подготовлено и реализовано” (Виктория, экономист лет тридцати).

Даже на Востоке все равно были люди, готовые видеть перемены конца 2004 года как “уникальное народное восстание” (Петр, пенсионер шестидесяти с небольшим лет); люди вышли на улицы потому, что ожидали “каких-то перемен” в результате президентских выборов; когда их “жестоко обманули, они вышли на улицы”. Для Елены, медсестры тридцати с небольшим, процентов 80 были “действительно за идею” примерно в первые пять дней; но когда стало известно, что некоторым за это платят, другие тоже на это позарились. Конечно, люди с Востока демонстрировали и поддержку своему кандидату Виктору Януковичу; была общая договоренность, что прежде всего они руководствуются принципиальными вещами: “поддержат своего кандидата” (Ирина, домохозяйка, 35 лет), “защитить свой голос” (Виктория) или защитить русский язык и Донбасс (Николай). Признавали, что некоторым платили, а как иначе — надо же как-то питаться вдали от дома?

Как бы то ни было, что реально изменилось? Можно говорить свободнее, но “прокормиться не стало легче”, замечает Николай. Это был, как оказалось, очень общий ответ. В принципе, объясняет Константин, “мы получили свободу слова, более или менее. Средства массовой информации стали немного демократичнее, люди начали более открыто выражать свое мнение, сами журналисты [стали честнее]. Но в то же время мы получили страшный кризис в экономике, проблемы во внешней политике, когда начали круто менять ориентацию”.

Сергей еще больше разочарован: “Цены подскочили, отношения с Россией очень пострадали, промышленность в упадке”. Остальные указывали на то, что все равно покупают мобильные телефоны (Петр), и хотя вроде бы “невыносимо жить” (Елена), но, как ей известно, все ремонтируют свои квартиры, а “в магазинах бесконечные очереди”. Она сама после выборов поменяла стиральный порошок: раньше использовала местного производства и ее простыни всегда были серыми, а сейчас пользуется только “Тайдом” или “Ариэлем”, потому что может это себе позволить — ее зарплата выросла вдвое. Остальные же все равно говорили о стремительном росте цен. Конечно, хорошо покупать вещи хорошего качества, например мебель или крупные товары, если есть на это деньги (шестидесятилетняя Виктория, контролер в общественном транспорте). В целом, превалировали амбивалентные мнения: не стало “ни лучше, ни хуже” (Николай) или, как говорили другие, “пятьдесят на пятьдесят” (Константин, Ирина).

В Полтаве (Восточно-Центральная Украина) участники тоже были достаточно циничны по поводу инсургентов “Оранжевой революции”. Для Тани, учительницы 45 лет, они лишь “выполняли инструкции своих начальников”, вроде “кукольного театра”. Для Станислава, пенсионера, немного старше шестидесяти, вначале это было молодежное движение — молодые люди, которые просто хотели лучшей жизни; но профессиональные политики быстро взяли все в свои руки, и на этом этапе началось финансирование и стали доминировать определенные настроения, характерные для Западной Украины. Даниил, двадцатилетний студент, придерживается такой же точки зрения: люди “пресытились кучмизмом”, так было поначалу, а потом оказалось, что на этом можно заработать. “Не секрет”, что проводившие все свое время на Майдане зарабатывали по сто гривен в день (около \$18,50), а то и больше. Но для Елены, университетского преподавателя 45 лет, мотивация была более сбалансированной: кто-то зарабатывал деньги за свое участие, кто-то приносил свою еду и медикаменты демонстрантам, пел с ними “бесплатно”. Определенная организация должна была быть, со своими формами коммуникации, под контролем “профессионалов”. Но “ничего не получилось бы, если бы люди не хотели”; это был уникальный момент, когда “все сошлось”.

Кроме мотивации, какого рода движение это было? Дочь Тани была на Майдане: она ездила в Киев по другому поводу и пришла туда просто посмотреть. Как она рассказывала матери, все напоминало “фестиваль длиной в месяц”, всегда находился кто-то, кому хотелось танцевать, развлекать, поделиться едой. Но потом ты уходил и думал: что это — празднование какое-то или происходит борьба за идею? Сама Таня по прошествии времени не одобряет эти демонстрации. Например, множество молодых людей попали в больницы со страшной простудой. На улицы вывели не своих детей, руководители в это время сидели в хорошо отапливаемых квартирах. Тамара

(еще одна учительница 45 лет) — одна из тех, кто отказывается называть это революцией, поскольку революция фундаментально меняет “систему правления”. Что это было, по словам другой участницы, если не “общенациональная тусовка”? Ее дочь тоже там была, обрадовалась возможности послушать лучшие в стране рок-группы; все развлекались, а за это им еще и платили. Но когда она вернулась домой, все оказалось по-другому. “Что теперь будет?” — спрашивала она мать.

В Харькове, втором по величине городе и бывшей столице Украины, еще более негативные суждения. Это была “американская” революция, настаивает Ольга (ей 25 лет, и она не работает), никакая не “оранжевая” и не народная. Ни в коем случае не “народная революция”, соглашается Андрей из частной фирмы и тоже лет 25, даже если многие из принимавших в ней участие стояли за идею и лишь немногие заработали на этом деньги; в ней не было ничего народного, это просто был “способ захвата власти”. Дальше на юг, в судостроительном Николаеве, высказывались такие же мнения. Для Жанны, библиотекаря 45 лет, это было движение “верхов”, многим платили за то, чтобы они поехали в Киев и стояли на Майдане. Многие “неплохо заработали”, достаточно, чтобы в последующие три года снимать себе квартиру; “малая доля” имела более идеалистические цели. Для Аркадия, писателя, немного за сорок, “никто и не скрывал, что это была одна из революций в рамках процесса мирового разрушения, финансируемая американской разведкой”, другими словами, задача — сбросить правителей более слабых государств с единственной целью — ради “призрачной абстрактной справедливости”. А в итоге это стало “устранением от власти одной группы и приведением к власти другой”; управляемый процесс, как говорили другие, наподобие театра, где некоторым актерам платят за их услуги, а другие играют ради самой игры (Евгений, студент, чуть за двадцать).

Все согласны, и на Востоке, и на Юге, и на Западе, что результаты революционных событий их разочаровали или даже вызвали негативное отношение. В Полтаве “абсолютно ничего” не изменилось, разве что люди больше не готовы принимать участие в таких акциях, поскольку поняли, что они ни к чему не приводят (Олег, водитель, 35 лет). Для Станислава, пенсионера 65 лет, самым очевидным результатом перехода президентской власти от одного претендента к другому стало назначение во все регионы “некомпетентных людей”, чья квалификация заключается лишь в том, что они активно поддерживали Ющенко. Те, кто ушел, соглашается Татьяна (учительница 45 лет), имели “годы опыта” и “реальное понимание” местной экономики; их поспешно заменили людьми, “абсолютно не знающими этих мест или той работы, которую они должны были выполнять”. В результате люди потеряли надежду на то, что что-то улучшится; так что все, что произошло, — лишь борьба за политическую власть, продолжающаяся и поныне.

До сих пор экономическая ситуация только ухудшается. Ничего не изменилось, считает Светлана, телефонистка из нашей николаевской группы, чуть старше сорока, разве что цены выросли. Для Алены, восемнадцатилетней студентки, единственным результатом стало осложнение отношений с Россией и опять-таки повышение цен. Фирмы разваливаются, добавляет Александр, инженер 55 лет, и еще попытки навязать украинский язык в школах и колледжах. На самом деле, в России богатая литература, а в Украине своей вовсе нет, русские учебники отменили, а украинских, таких, что-

бы адекватно их заменили, нет (Евгений). Другие отмечали более пагубные последствия — “национальную конфронтацию” между разными общностями, живущими по разные стороны Днепра (Аркадий). Но самое распространенное мнение, что ничего не изменилось — только персоны при власти (Аркадий и Надежда, учительница 35 лет). В Херсоне (порт на Черном море) были того же рода нарекания: “выросли цены на хлеб, газ и все остальное” (Игорь, водитель, около сорока); “зарплаты, если это можно назвать зарплатой”, пособия по безработице “остались прежними” (Саша, таксист, немного старше пятидесяти); молодым негде работать, поскольку местная экономика не заработала (Тамара, пенсионерка, чуть за шестьдесят).

Столица, Киев — то место, где проходили самые драматичные конфронтации; и здесь отразились все зафиксированные по стране мнения по двум ключевым моментам: по крайней мере вначале, с точки зрения наших участников, это было поистине народное движение, но оно привело к разочарованию по поводу мизерности произошедших изменений, за исключением средств массовой информации (в таблице 6 приведены некоторые из наиболее распространенных ответов в этой и других группах). В Киеве, как и везде, были циники, например, Владимир, директор универсама, 35 лет, который считает, что простые люди — “лишь колеса у машины”; все зависит от того, кто за рулем (в данном случае — большие деньги). Но Марина, двадцатилетняя студентка, думает иначе. Она пришла на Майдан, потому что чувствовала, что должна, и “сказать по правде, получила от этого большое удовольствие”, даже вдохновение. Никто на нее не давил, хотя было очевидно, что кто-то должен был организовать толпу и гарантировать, что беспорядков не будет. Для Богдана, еще одного студента 25 лет, понятно, что у организаторов, конечно, были деньги, но все равно это была истинная народная революция; “не каждый стоял там за деньги”. Светлана, библиотекарь, около пятидесяти, также уверена, что это была народная революция, и “сама пережила такие чувства впервые в жизни, настолько сильные, что даже объяснить невозможно”.

И в изменениях, о которых они говорили, тоже было нечто иллюзорного, мистического свойства. Таня, экономист, около сорока, считает, что “свобода витала в воздухе”, что люди “начинали как-то дышать свободнее” после пятнадцати лет, в течение которых они вообще не говорили. Поскольку раньше вообще не было по-настоящему независимых средств массовой информации, то большая свобода этих средств означала большую возможность выражать бизнес-интересы тех, кто ими владел; люди же почувствовали, что они готовы выражать свое мнение (Сергей, экономист лет 45). “Экономически ничего не изменилось, разве что стало хуже; цены подскочили, повышение зарплат и пенсий очень быстро нивелировалось. На самом деле, были ухудшения и в средствах массовой информации: например, два главных российских телевизионных канала исчезли из кабельного телевидения” (Владимир). И все равно любые революции имеют, по крайней мере, одно очень важное следствие: “люди меняются психологически” (Владимир Игнатович, охранник, около шестидесяти). “Абсурдно” ждать улучшений при таких условиях: революции всегда оборачиваются тяжелым бременем для экономики и даже голодом. “Но Господь даровал нам революцию без таких разрушений”. Теперь люди знают, что если действовать сообща, то можно что-то изменить; и это “самая большая перемена”.

Типология ответов участников фокус-групп

Параметры	Оранжевый нарратив	Голубой нарратив
Непосредственный импульс:	Спонтанность, особенно на первых стадиях Инстинкт толпы	“Политические технологи воспользовались существующими проблемами” “Демонстрантам платили деньги”
Причины:	Против “коррупции и унижения” Против кучмизма	“Американская” (финансируемая из-за рубежа) революция, последняя в ряду организованных ранее
Характер революции:	Сопоставимо с Французской революцией Истинно народное восстание Новые выборы	Отсутствие “фундаментального перелома”, не что иное, как путч элит Праздник длиной в месяц
Последствия:	Больше свободы в средствах массовой информации и в межличностном общении Ощущение силы: чувство, что “люди могут встать все вместе, и если они будут действовать сообща, то добьются перемен” Национальная гордость	Назначение новых, но некомпетентных местных чиновников Повышение цен Осложнение отношений с Россией Закрытие русскоязычных школ и телевизионных каналов Развенчание иллюзий

III. После “оранжевого”

Какими же тогда были последствия “оранжевых” перемен и как они распределились по возрастным, половым, региональным и национальным группам? По другим свидетельствам очевидно, что эйфория начала 2005 года быстро рассеялась в силу продолжающейся несостоятельности в отношении формирования стабильной администрации, которая запустила бы свои реформы (к августу 2006 года сам Янукович вернулся в качестве премьер-министра новой и лучшей власти). Во время избрания Ющенко почти половина общества (48%) были “революционными энтузиастами”, твердо поддерживающими революционное движение и ожидающими положительных перемен; примерно четверть была “революционными оппонентами” (23%), твердо противостоявшими революционному движению и не ожидающими позитивных сдвигов, а 29% были “революционными агностиками”, оказавшими квалифицированную поддержку революции, но не особенно верившими в положительные результаты. К концу года “революционные энтузиасты” раскололись на две группы — 29% все еще оставались “преданными энтузиастами”, а новая группа сформировалась из “недовольных приверженцев” (24%), чувствующих себя обманутыми в своих ожиданиях в силу того, что происходило после выборов декабря 2004 года (в группах “преданных оппонентов” (25%) и “агностиков” (22%) изменений практически не было).

Соответственно изменилось количество тех, кто считал, что они что-то “выиграли” или “проиграли” в результате революционных перемен. Сначала “выигравших” было намного больше, чем “проигравших” (см. табл. 7). Но

к 2006 году мнения так или иначе изменились и к 2007 году, когда проходило наше полевое исследование, тех, кто считал себя проигравшим, стало больше, хотя все равно большинство считало, что изменения, произошедшие с конца 2004 года, скорее нейтральны; это же подтвердилось и год спустя. Не удивительно, что участвовавшие в революционных событиях скорее думали о себе как о “победителях”, скорее воспринимали эти события как “осознанную борьбу граждан”, а не как “западный путч”, и скорее говорили, что если возникнет новая такая ситуация, то обязательно примут в ней участие. Например, по всей выборке 12% приняли бы участие в революционных событиях в Киеве или в любом другом месте, но они составили 39% тех, кто считал себя “победителями”; 27% считали, что революционные события были “осознанной борьбой”, однако они составили лишь 57% тех, кто сам принимал в этом участие; 13% из всей выборки сказали, что “безусловно” или “вероятно” поучаствовали бы в новом подобном движении, для сравнения это оставляет 38% тех, кто участвовал в “оранжевых” событиях тогда.

Независимо от личных приобретений или потерь от революции, мы получили очень разные оценки того, какие изменения последовали за “оранжевыми” событиями (рис. 1). В 2008 году люди стали больше доверять средствам массовой информации, чем к концу 2004-го, но число тех, кто не доверяет, было все-таки больше и продолжает расти. Не выросло и доверие к милиции по сравнению с уровнем до “оранжевых” событий (14% в 2008, 14% в 2004), при этом значительно большее число респондентов ей не доверяют (56% в 2008, 58% в 2004 и 57% на десять лет раньше). Немного вырос уровень доверия к политическим партиям, но все равно остается очень низким: в 2008 менее 10% граждан были готовы доверять им хотя бы отчасти, при этом никакой другой институт не заслужил столь низкого уровня доверия. Очевидно, самым явным эффектом можно считать быстрый рост доверия к президенту (на время написания статьи Виктору Ющенко) и украинскому парламенту, хотя в обоих случаях отмечается одинаковый спад. В 2005 году доверие к новоизбранному президенту было на уровне 49%; к 2008 году эта цифра сократилась больше, чем вдвое (23%), а число тех, кто президенту не доверяет, вдвое увеличилось (50%). Это же касается украинского парламента: быстрый подъем уровня доверия в 2005 году, но три года спустя ему доверяли уже не больше чем 12%, а не доверяли почти впятеро больше (59%).

Таблица 7

**Победили или проиграли
в результате “Оранжевой революции”?, %**

Варианты	2005	2006	2007	2007
Проиграли	12	35	39	37
Ни выиграли, ни проиграли	56	49	46	51
Выиграли	32	16	14	12

Примечание. Отсутствие ответа или ответ “не знаю” были исключены во всех случаях.

Источник: для 2007 г. см. табл. 1; остальные данные взяты из: [Українське суспільство, 2008: с. 271].

Рис. 1. Доверие к институтам, 1995–2008 годы

Источник: такой же, как в табл. 7.

По нашим данным, поразительнее всего улучшилась ситуация с гражданскими и политическими правами, а социально-экономические условия больше всего ухудшились, не говоря уже об отношениях с Россией, которые оказались самой большой потерей (см. рис. 2). “Возможность свободно выразить свое мнение” вышла на первое место в числе позитивных перемен, за ней “отношения с США” и “возможность получить информацию о происходящем в стране, которой можно доверять”. Однако социально-экономические условия в стране в целом резко ухудшились, равно как и в отдельно взятых регионах и в семьях наших респондентов. Отношения между русскими и украинцами, возможности для русскоязычных в смысле использования их языка также ухудшились. Пожалуй, самое удивительное то, что, по мнению респондентов, права личности тоже стали меньше соблюдаться, чем это было до народного движения против сфальсифицированных выборов и против тех, кто за этим стоял. Почти треть респондентов считают, что они меньше защищены от произвола властей, чем это было до “оранжевых” событий (лишь 7% увидели улучшения в этой сфере), а еще большее число считают, что чиновничья коррупция стала либо “в какой-то мере” (24%) либо “значительно хуже” (19%), и снова лишь 7% усматривали улучшение ситуации.

Более подробно мы сопоставляем эти ответы в таблице 8 с использованием факторного анализа для идентификации паттернов, которые могут служить основанием столь разных оценок. Анализ выявил три основных суждений о том, что изменилось после “оранжевой революции”, основан-

ных на 12 аспектах, отраженных в таблице. Первый и самый главный фактор связан с экономикой, что касается условий существования населения, экономической ситуации в семьях и экономики страны в целом; эти три пункта тесно связаны между собой и слабо коррелируют с двумя последующими. Второй фактор — Россия; здесь тоже три пункта, отражающих отношения с Россией в целом, включая языковой аспект, а также и четвертый пункт, связанный с правительством и явно интерпретируемый респондентами применительно к России. Третий фактор, связанный с правами и свободами, который измеряется по таким аспектам, как отношения с США и ЕС, свобода слова и возможность доступа к информации, которой можно доверять. В целом респонденты были наиболее оптимистичны по поводу прав (средний балл 5,6 по десятибалльной шкале) и наиболее пессимистичны по поводу эффекта “Оранжевой революции” на отношениях с Россией, определяемого в широком смысле (в среднем 3,8). Не удивительно, что участвовавшие в революционных событиях оказались наиболее оптимистичными по поводу прав личности — их средний балл по ответам оказался на единицу выше, чем средний балл по стране.

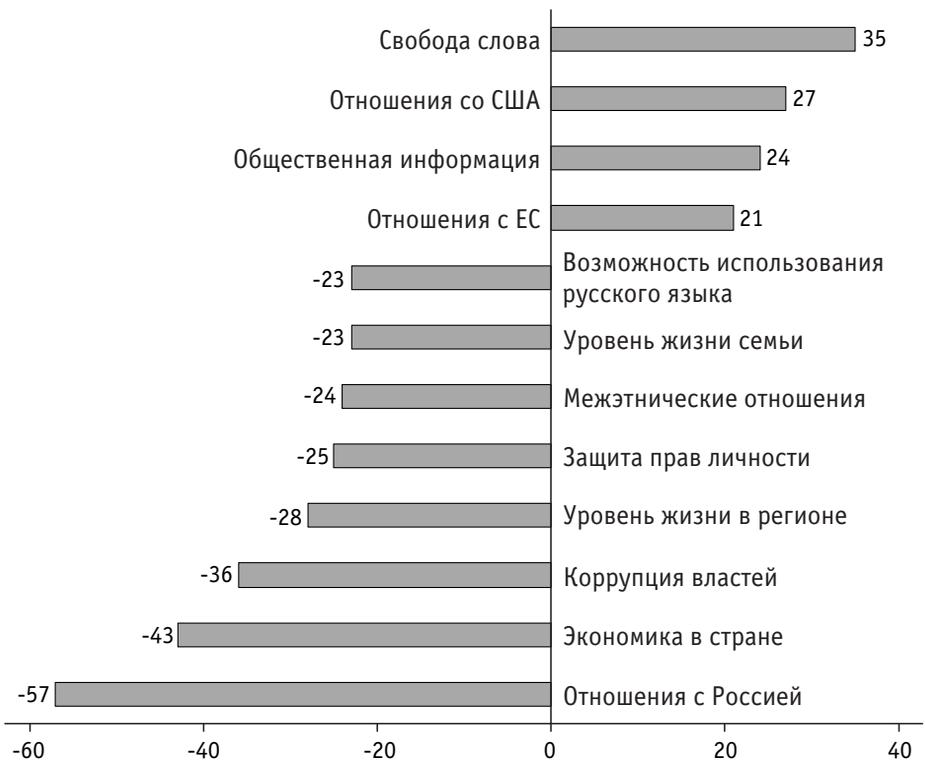

Рис. 2. Приобретения и потери “оранжевой революции”, 2007

Источник: см. табл. 1. Числа отображают процент тех, кто отметил улучшения, минус процент тех, кто отметил обратное.

И наконец обратимся к непосредственному влиянию “оранжевого” движения на поддержку партий на парламентских выборах в сентябре 2007 года

(наше исследование проходило вскоре после этого). (Историю этих выборов см.: [Corsey, 2008]. Более ранние выборы рассмотрены в: [Hesli, 2006; 2007].)

Таблица 8

**Что изменилось после “оранжевой революции”?,
факторный анализ**

Параметры	Факторная нагрузка		
	I	II	III
Улучшилось после Оранжевой революции			
<i>Экономика</i>			
Условия жизни обычных людей	0,80	0,32	0,06
Экономическое положение семьи	0,80	0,27	0,03
<i>Фактор “Россия”</i>			
Отношения с Россией	0,16	0,79	-0,09
Возможность говорить по-русски	0,23	0,68	0,16
Этнические отношения в Украине	0,15	0,65	0,24
Защита от произвола властей	0,31	0,54	0,17
<i>Фактор “Права”</i>			
Отношения со США	-0,06	0,16	0,80
Свобода слова	0,45	-0,06	0,67
Право на получение информации, которой можно доверять	0,57	-0,02	0,57
Характеристическое значение	4,11	1,64	1,13
Объяснимый процент вариации	37,4	14,9	10,3

Примечание. Принципиальные компоненты факторного анализа с использованием varimax ротации. Вопросы были следующими: “Как бы Вы оценили изменения в Вашей собственной жизни и в жизни страны, случившиеся после Оранжевой революции 2004 года? (i) условия жизни Вас и Вашей семьи; (ii) условия жизни в регионе или населенном пункте, где Вы проживаете; (iii) экономическая ситуация в Украине в целом; (iv) возможность получения надежной информации о том, что происходит в стране; (v) возможность свободно выражать собственное мнение; (vi) межэтнические отношения в Украине; (vii) возможность для русскоязычного населения Украины свободно использовать русский язык в различных сферах жизни; (viii) защита от произвола правительства или чиновников; (ix) отношения Украины с Россией; (x) отношения Украины с европейскими странами (Европейский Союз); (xi) отношения Украины с США; (xii) коррупция в государственных органах. Ухудшились ли они существенно, в определенной мере, остались такими же, как-то улучшились, существенно улучшились, рано говорить/нет ответа?” Источник: см. табл. 1.

В целом по выборке участвовавшие в “оранжевых” событиях с наибольшей вероятностью должны были принять участие в голосовании, хотя уровни явки были очень высокими по всем категориям (почти 88% от числа голосовавших во втором туре президентских выборов и 93% от числа тех, кто непосредственно принимал участие в революционных событиях). Вполне ожидаемо, что непосредственные участники революции составляли большинство среди тех, кто отдал предпочтение партиям, позиционировавшим

себя как “оранжевые” — Блок Тимошенко и “Наша Украина” (Ющенко) в отличие от по-прежнему сконцентрированных на Юге и Востоке избирателей, голосовавших за Партию регионов (В.Янукович). В целом по выборке 12% сказали, что принимали участие в “оранжевых” событиях, в столице или других местах, при этом они составили 19% тех, кто голосовал за партию Ющенко, и 26% тех, кто голосовал за Блок Тимошенко, по сравнению с 1% голосовавших за Партию регионов. Эти связи оказываются еще более очевидными в региональном разрезе: так, на Западе среди голосовавших за Ющенко доля принимавших участие в “оранжевых” событиях была гораздо больше, чем по стране в целом. Похожая ситуация прослеживается во мнениях наших респондентов, принимавших участие в “оранжевом” движении. Например, в целом по выборке 27% считали революцию “осознанной борьбой граждан за свои права”, а 29% были убеждены, что это “западный путч”; при этом 49% голосовавших за Блок Тимошенко и 58% голосовавших за партию Ющенко считают, что это была “осознанная борьба” (тогда как только 4% голосовавших за Партию регионов придерживаются такой же точки зрения), в то же время 55% голосовавших за Партию регионов видят революцию как “западный путч” и лишь 8% и 10% голосовавших за Блок Тимошенко и Ющенко соответственно разделяли это мнение. Точно так же, в целом 12% считают, что “выиграли” в результате революционных событий конца 2004 года, при этом вдвое больше таких суждений среди тех, кто голосовал за Блок Тимошенко (26%) и за “Нашу Украину” (27%), а среди голосовавших за Партию регионов таких намного меньше (всего 2%). Все эти корреляции взаимно подкрепляются: например, участники революции скорее считают эти события “осознанной борьбой граждан за свои права”; те, кто таким образом рассматривает революционные события, скорее голосуют за Блок Тимошенко или ющенковскую “Нашу Украину”; наконец, те, кто голосовал за одну из “оранжевых” партий, скорее всего окажется участником революционных событий и будет считать их “осознанной борьбой”.

Какие из этих переменных решающие? Мы выделили влияние их по отдельности в таблице 9, которая показывает, что участие в “Оранжевой революции” определенно является фактором, разделяющим сторонников двух наиболее массово поддерживаемых партий, Партию регионов и Блока Тимошенко. Результаты показывают, что голосовавшие за Партию регионов с существенно меньшей вероятностью были вовлечены в протестные действия, если все остальное взять как константы. Однако для этих избирателей наиболее важными из последствий “оранжевых” событий оказались их потери в результате этих событий и тот факт, что испортились отношения с Россией; их меньше задело влияние революционных событий на экономику или на права личности. В противовес этому, участие в протестных акциях было очень важным предиктором голосования за Блок Тимошенко. В отличие от их соперников, голосовавших за Партию регионов, те, кто голосовал за Тимошенко, считают, что в основном они выиграли от тех протестов, и склонны верить, что отношения с Россией на самом деле улучшились в результате революции. Третья группа, голосовавшие за “Нашу Украину”, оказывались участниками протестов с меньшей долей вероятности, чем вероятность ощущать себя в выигрыше. Очевидно, что участие в “оранжевой революции” было актом, разделившим тех, кто поддержал две основные партии;

и даже когда непосредственное участие было не столь значимо, как в случае голосовавших за “Нашу Украину”, ретроспективное оценивание революционных событий все равно оставалось очень сильной детерминантой.

Таблица 9

Поддержка партий в 2007 году и “оранжевая революция”, логистическая регрессия

Параметры	Партия регионов		Блок Тимошенко		“Наша Украина”	
	Est	Стандартная ошибка	Est	Стандартная ошибка	Est	Стандартная ошибка
<i>Участие в “оранжевой революции”</i>						
Участвовал	-2,176**	0,522	1,049**	0,262	-0,39	0,29
Снова принял бы участие	-0,833**	0,14	0,235**	0,094	0,329**	0,102
<i>Последствия</i>						
Лично выиграл	-1,396**	0,228	0,465**	0,167	0,727**	0,19
Больше возможностей влиять на решения властей	-0,48	0,267	0,131	0,199	-0,19	0,225
<i>Улучшения</i>						
Экономика	-0,028	0,077	0,091	0,068	-0,1	0,077
Россия	-0,342**	0,112	0,247**	0,093	0,188	0,104
Права	0,13	0,111	-0,084	0,082	0,134	0,091
Константа	6,817		-3,583		-4,39	
R ² Нагелькерке	0,64		0,307		0,161	
(N)	-957		-957		-957	

** — статистически значимо при $p < 0,01$; * — статистически значимо при $p < 0,05$.

Примечание. Приведены результаты логистической регрессии и стандартные ошибки вероятности электорального выбора в 2007 году только среди голосовавших. Кодировки участия в голосовании и последствий см. в табл. 3 и 8, а приобретения и потери оцениваются по шкале от нуля до десяти. *Источник:* см. табл. 1.

IV. Некоторые выводы

Наверное, самым ясным общим выводом можно считать стабильную значимость регионального разделения, отразившегося на том, как люди понимают “Оранжевую революцию”, в какой мере определенные слои общества принимали участие в ее развитии и каким образом они ее оценивают в ретроспективе. Надо помнить, что победа Ющенко в итоге основывалась не на подавляющем большинстве голосов; 90% поддержали его в западных регионах, но 90% голосовали за его оппонента в двух регионах русскоязычного Востока и более 80% — в Крыму.

Обзор литературы явственно указывает на то, что в Украине решающее значение имеет регион, даже если принимать во внимание другие переменные (см., напр: [Birch, 2000; Barrington, Herron, 2004; Shulman, 2004; Katchovski, 2006]). Действительно, это важно в отношении не только оценок

“Оранжевой революции”, но и других аспектов, включая мнение о Европейском Союзе и НАТО [Munro, 2007]. Очевидно, что регионы неоднородны — данные опроса это четко показали, так же как и мнения, высказанные в наших фокус-группах; Киев стоит особняком по многим параметрам, и неудивительно, ибо он находился в центре протестного движения. Но фундаментальные различия остаются такими же.

Следующий вывод заключается в том, что результаты “Оранжевой революции” не однозначны, по крайней мере по мнению тех, кто живет в этом обществе. Что касается отдельных аспектов, то перемены не были неожиданными — к примеру, больше свободы в средствах массовой информации; причем доверие к ним продолжает расти; многие участники наших фокус-групп говорили, что это коснулось и их личных отношений. Влияние на отношения Украины с внешним миром, по крайней мере в восприятии самих украинцев, тоже вполне ожидаемое: улучшились отношения с США и странами — членами ЕС, ухудшились отношения с Россией. Но все согласны с тем, что “оранжевые” события ухудшили условия жизни, в частности в стране в целом. Русскоязычные считают, что потеряли возможность пользоваться родным языком. Но удивило нас то, что все разделяют мнение, что права личности стали хуже защищаться, чем это было до конца 2004 года, а правительство коррумпировано еще больше, хотя должно бы меньше. Как показал наш факторный анализ, ответы распределены не случайно; их можно сгруппировать по определенным группам респондентов в соответствии с их отношением к экономике, России и русскому языку, а также правам личности и свободам.

Третий вывод таков: влияние “оранжевой революции” часто было проходящим до такой степени, что иногда возникают сомнения, можно ли называть это революцией; здесь больше, пожалуй, подходит термин “эволюция” [Katchnovski, 2008]. Как мы видели, некоторые изменения были настолько существенны, что простые украинцы были готовы доверять президенту и избранному ими парламенту. Но доверие исчезло настолько же быстро и к концу 2008 года продолжало падать¹, практически ничего не изменилось, если брать весь период после объявления независимости. В остальных отношениях в 2005 году изменения были небольшими — например, доверие к средствам массовой информации и политическим партиям возросло очень медленно. Тот же вывод следует из других данных — исследование, заказанное Международным фондом электоральных систем обнаружило, что уже в ноябре 2005 года значительно меньше украинцев считали, что в Украине есть демократия или что они могут влиять на принятие национальных решений, чем это было в начале того же года; к октябрю 2008 года 79% не верили, что голосование дает возможность “таким людям, как они” влиять на принятие решений (это вдвое больше, чем было таких же пессимистов в феврале 2005), а 85% не верили, что “такие люди, как они” могут повлиять на решения правительства [Public Opinion, 2008]. Особое внимание в этой работе уделено ретроспективной оценке “оранжевых” событий со стороны их непосредственных участников или, по крайней мере, их свидетелей в ка-

¹ Например, всего 12% составляло доверие к президенту Ющенко в октябре 2008 года; см.: <http://www.ifes.org/files/UkrainePresentation.pdf>, последние данные 27 февраля 2009 года.

честве членов общества. Понятно, что в чем-то произошли существенные изменения или хотя бы в некоторой степени; например, кто-то сначала считал, что это “осознанная борьба граждан”, а со временем решил, что это “западный путч”; но еще очевиднее сдвиги, когда узнаешь, что простые украинцы скорее потеряли, чем приобрели в результате тех драматических событий, которые произошли в конце 2004 года. Конечно же, это связано с тем, что именно наши респонденты считают результатом революционных перемен. Те, кто думает, что потерял, скорее всего отметили ухудшение экономического положения; маловероятно, что они бы ответили, что готовы принять участие снова в подобных событиях, если бы представилась возможность; при этом они совершенно непропорционально большой группой присутствуют в числе тех, кто голосовал за Партию регионов в сентябре 2007 года — самую поддерживаемую партию из всех как в 2006-м, так и в 2007 году (около трети голосов в обоих случаях).

В свою очередь, различия в ретроспективном восприятии “Оранжевой революции” будут дальше играть важную роль в украинской политике. Как мы видели по фокус-группам, утвердились две совершенно различные оценки: “либеральная революция”, наиболее ассоциирующаяся с украиноязычным населением Севера и Запада, и “западный путч” — с русскоязычным населением Востока и Юга, что очень соответствует официальному мнению российского руководства и его приверженцев. Но даже среди сторонников “либеральной революции” события последних месяцев 2004 года продолжают восприниматься по-разному: если надежды не оправдались, то кто виноват? Кто из “оранжевых” лидеров предал их дело, а кто нет? Почему, например, Тимошенко говорит, что “стояла на Майдане” за человека, который “пал до такого уровня”, что по прошествии времени “стыдно даже упоминать его имя” [И в кость, и в гривню, 2008].

Литература

- Українське суспільство 1992–2006: соціологічний моніторинг / За ред. Н.Паніної. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2006.
- Українське суспільство 1992–2008: соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2008.
- Aslund A., McFaul M.*, eds. *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* (Washington DC: Carnegie, 2006).
- Barbour R.* *Doing Focus Groups* (London: Sage, 2007).
- Barrington L., Herron E.* ‘One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences’, *Nationalities Papers*, vol. 32, no. 1 (March 2004), pp. 5386.
- Birch S.* ‘Interpreting the regional effect in Ukrainian politics’, *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no. 6 (September 2000), pp. 1017–1041.
- Copsey N.* ‘The Ukrainian Parliamentary Elections of 2007’, *Journal of Communist Study and Transition Politics*, vol. 24, no. 2 (June 2008), pp. 297–309.
- Dalton R.J.* *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*, 5th ed. (Washington DC: CQ Press, 2008), pp. 66–69.
- Focus Groups: A Practical Guide for Applied Research*, 2nd ed. (Thousand Oaks CA: Sage, 1994), p. 238).
- Hennink M.M.* *International Focus Group Research: A Handbook for the Health and Social Sciences* (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2007).

Hesli V.L. ‘The Orange Revolution: 2004 presidential election(s) in Ukraine’, *Electoral Studies*, vol. 25, no. 1 (March 2006), pp. 168-177, and Hesli, ‘The 2006 Parliamentary Election in Ukraine’, *Electoral Studies*, vol. 26, no. 2 (June 2007), pp. 507–511.

Katchanovski I. ‘The Orange Evolution? The “Orange Revolution” and political changes in Ukraine’, *Post-Soviet Affairs*, vol. 24, no. 4 (October-December 2008), pp. 351–382.

Katchnovski I. ‘Regional political dimensions in Ukraine in 1991-2006’, *Nationalities Papers*, vol. 34, no. 5 (November 2006), pp. 507–532.

Klid B. ‘Rock, pop and politics in Ukraine’s 2004 presidential campaign and Orange Revolution’, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, no. 1 (March 2007), pp. 118–137.

Kuzio N., ed. ‘Democratic Revolution in Ukraine: From Kuchmagate to Orange Revolution’, special issue of the *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, no. 1 (March 2007).

Kuzio T. ‘Oligarchs, tapes and oranges: ‘Kuchmagate’ to the Orange Revolution’, *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 23, no. 1 (March 2007), pp. 30–56, at p. 42.

Lane D. ‘The Orange Revolution: “People’s Revolution” or Revolutionary Coup?’, *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 10, no. 4 (November 2008), pp. 525–549.

Munro N. ‘Which way does Ukraine face? Popular orientations toward Russia and Western Europe’, *Problems of Post-Communism*, vol. 54, no. 6 (November-December 2007), pp. 43–58.

Public Opinion in Ukraine, November 2005. Findings from Survey and Focus Group Research (Washington DC: IFES, 2005), p. 13.

Rose R. Divisions within Ukraine: a Post-Election Opinion Survey (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, SPP 403, 2005).

Shulman S. ‘The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine’, *Europe-Asia Studies*, vol. 56, no. 1 (January 2004), pp. 35–56.

Wilson A. *Ukraine’s Orange Revolution* (New Haven CT and London: Yale University Press, 2005).